

НАШ „ИНТЕРНАЦИОНАЛ“

[Окончание.
Начало на 1-й стр.]

Когда все поставили свои подписи под коллективным договором о создании колхоза (к тому времени уже умели расписываться — научились на курсах ликбеза), мы запели:

Лишь мы, работники
всемирной,
Великой армии труда,
Владеть землей имеем
право,
Но паразиты — никогда.

Если бы нам тогда сказали, что слова эти написал французский поэт, мы бы не поверили, были уверены, что написаны они узбеком, на нашем родном языке.

Помнится, однажды оты хал я в Сочи. Соседом по комнате в санатории был колхозник из Чувашии, человек один примерно со мной лет. Вспомнили мы с ним годы молодые, и рассказал о нем: «Когда-то, будто „Интернационал“ написан на узбекском языке».

— Знаешь, — засмеялся сосед, — а ведь и точно так же был уверен, что «Интернационал» написан на узбекском языке.

Односельчане оказали мне большую часть. Когда решали, кому быть председателем первого в Ляйляне колхоза, люди сказали: «Пусть будет рисунок Улаш, сын Турбаза».

Стал я председательствовать. Позже доводилось мне руководить и очень крупным хозяйством, почти две тысячи гектаров только под хлопчатником, знаю, как это трудно, но, право, с прощечным колхозом, с 39 гектарами, тоже было очень нелегко управляться. Все впервые, все с самого начала.

Конечно, не спрятаться было нам, если бы не помощь тысячи и тысяч братцев. Словно морской прибой о берега, бился о хлопковые поля Ляйляни, могучий голос страны. Мы словно слышали, как многоголосый хор исполняет «Интернационал». Партийный гимн пели рабочие «Красного путиловца», собирали трактор для дехкан далеского узбекского кишлака, пели ивановские ткачи, вырабатывая ткани для наших детей. Мы ощущали крепкое товарищеское плечо миллионов рядовых великих армии труда.

В часы особого душевного взлета каждый из нас думает о Партии. Получив новый партийный билет с изображением любимого Ильича и его пламенными словами: «Партия — ум, честь и счастье нашей эпохи», я пропаганды поступками памяти, и снова, в какой уже раз, все существо мое охватила благодарность партии, гордость за ее великую коллективную силу, разум, опыт. Партия сплотила народы огромной многонациональной, разноязычной страны в единый братский союз. Партия воспитала советского человека таким, каков он есть, — интернационалистом, патриотом, творцом. И основы такого воспитания были заложены уже тогда, когда страна наша делала лишь первые шаги.

Я помню «Интернационал» и вспоминаю, как делал партийный гимн в Кремле 5 декабря 1936 года, на заключительном заседании Чрезвычайного восьмого съезда Советов, делегатом которого мне выпало счастье быть.

И тому времени наш колхоз уже был одним из крупнейших в долине Сурхана: сто с лишним гектаров под хлопчатником. И урожай получали хорошие, по тем меркам конечно. Наверное, в знак признания заслуг наших хлопкоуборочных и посыпал председателя на съезд принимать Конституцию Союза ССР.

Это была моя первая в жизни поездка за пределы Шерабада. Своими глазами видел я, нет, больше того, всем существом своим ощутил, как велика и прекрасна

наша страна. Я выполнил наизусть однослоги: поклонился Ленину, поклонился Кремлю. Я отдал свой голос за Советскую Конституцию-Закон, по которому счастье приходит, как сказал мудрый Джамбул.

«Кто был ничем, тот станет всем». Сколько раз эти высокие пророческие слова партнера гимна вспоминались мне в дни работы съезда Советов! Закон жизни страны принимали те, кто лишь два десятилетия назад был угнетен, бессправен. Я видел слезы счастья на глазах старого уральского рабочего и дочери из Украины, я слышал, как от волнения дрожит голос киргизского чабана и белорусского профессора.

Семимильными шагами двигалась вперед новая жизнь. Расцветала страна, в семье советских народов-братьев расцветал Узбекистан. Мы прекрасно видели это на примере своего колхоза, жизни своей. Передвой хлопковое поле, наше хозяйства расцвелось уже почти на четырехстах гектарах: объединились маленькие колхозы, да и Шерабадской стени немного земли отвоевали.

Год 41-й. Много лет прошло, а и сегодня боль щемит сердце, когда вспоминаешь войну. Ушли на фронт мои дорогие земляки, меня отпустили, сказали: «Колхоз — это тоже фронт. Трудовой. Хлопок, хлеб, мясо — это стратегическое сырье». Одни за других уходили земельцы, ставшие воинами. Первым, конечно, коммунистом, тоже было очень нелегко управляться. Все впервые, все с самого начала.

Конечно, не спрятаться было нам, если бы не помощь тысячи и тысяч братцев. Словно морской прибой о берега, бился о хлопковые поля Ляйляни, могучий голос страны. Мы словно слышали, как многоголосый хор исполняет «Интернационал».

На степном просторе высятся холмы. Поднимаясь на него, все видно вокруг. На холме том воздвигли люда монумент в память погибших на землях вехами бесплодной Шерабадской стени. Они дают вдвое шире больше хлопка, чем давала до Советской власти вся Сурхандарья.

От ленинского Декрета об ассигнованиях 50 миллионов рублей на оросительные работы в Туркестане до широкого наступления на Голодную, Кашишинскую и Шерабадскую стени — таковы гигантские вехи нашего двинятия.

Андиканская водохранилище, Тяумонская и Тахтапольский гидроузлы, гигант энергетики — Сырдарьинская ГРЭС. И еще десятки крупнейших строек Узбекистана, это радость, гордость нации. Думая об этих стройках, я вижу себя в строю многочисленных рабочих народы к борьбе и победам. Нет высшей чести, чем честь быть коммунистом!

Недавно мы переступили порог нового, 1974 года — очень важного года для нашей страны: для нашей пятнадцати. И, как всегда, на ответственных рубежах партии обращается к народу с пленарным призывающим словом. И, как всегда, слово партии нашло путь к сердцу каждого. По своим однодесчтвиям сужу: Обращение Центрального Комитета КПСС к партии и советскому народу встретило горячий отклик.

Центральный Комитет обратился к коммунистам, всем труженикам с призывающим ознаменовать четвертый год пятилетия новыми успехами в выполнении решений XXIV съезда КПСС. Ответ народа на призыва партии на все всегда был, есть и будет один: «Партия — сделаем!». Каждый день приносит новые победы, вдохновляющие вести: сотни, тысячи коллективов принимают встремочные планы, повышенные обязательства. Сказали свое слово и мои земляки: хлопкоробы решили получить рекордный 45-центнеровый урожай тонноковловинистого хлопка сяяя его бригада.

Легенды... Мой дед рассказывал мне о сторожком джигите, который один успевал обрабатывать все поле. «На том поле, — говорил дед, — вырастало столько хлопка, что надо было стоять на ногах, чтобы уложить его». Вот такие были легенды. А сколько мешков нужно, чтобы сорвать хлопок с поля, только одной бригады, которой руководит член бюро районного комитета партии Усман Ахмедов! По 52 центнера тонноковловинистого хлопка сяяя его бригада...

С особым чувством о великом братстве советских народов, о единении, всеобщем, всеобщем хашаре думается сейчас, в году золотого юбилея Узбекской ССР и Компартии Узбекистана. За полвека пришел огромный, поистине неизимеримый путь! И всем, что достигнуто, мы обязаны партии, Ленину.

Я пою «Интернационал» и думаю о своих товарищах по партии. Они здесь, на партийной конференции. Шаймурдан Курдатов, Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета ССР. Абдуллатиф Курбанов, лауреат премии Ленинского комсомола, недавно получил звание Героя Социалистического Труда. Чиновников Худорнова... Они из той славной армии тружеников, о которых Леонид Ильич Бре жнев сказал в Ташкенте: «Это золотые руки сделали «белое золото». На них равняются тысячи и тысячи тружеников. Нелегко быть ведущим, но и высока честь быть им.

Новые легенды рождаются из жизни. Разве потомки наши не сохранят память о скаженном преобразении Голодной, Шерабадской и Кашишинской степей?

Когда я думаю о размахе спиральной, о могучей силе народа, о мудрости партии, я

думаю о Шерабадской стени. Вот она рядом, подходит почти к порогу моего дома. Сколько помню себя, помню ее яркое, обжигающее дыхание. Люди знали: степная земля плодородная, может щедро родить, вапон только ее водой. Но не было воды, Шерабад-Дары и лету так мела, что едва хватало на так называемые старошахматные земли.

«Кто был ничем, тот становится всем». Сколько раз эти высокие пророческие слова партнера гимна вспоминались мне в дни работы съезда Советов! Закон жизни страны принимали те, кто лишил два десятилетия назад был угнетен, бессправен. Я видел слезы счастья на глазах старого уральского рабочего и дочери из Украины, я слышал, как от волнения дрожит голос киргизского чабана и белорусского профессора.

Большим желтым пятнадцати годом я пострем им эстафету. История было угодно, чтобы мы оказались счастливее наших отцов: они передали нам в наследство обломки старого мира, мы передаем своим детям мир, заново построенный. Им его строить дальше, возводить новые этажи прекрасного коммунистического здания. Мы желаем детям большой, хорошей работы!

Я пою «Интернационал» и обращаю мысли свои, сердце свое к партии, к ленинскому штабту — Центральному Комитету, к Политбюро. Их великий труд вдохновляет всех нас — и коммунистов, и беспартийных. Какая понятне титаническая деятельность, какие замечательные плоды! Мир радуется добрую потеплению в международных отношениях, и эти люди обиженны нашей партии.

Память моя хранит легенды преобразования Шерабадской стени день за днем. Помню, как появился на целине первый вагончик, как были забиты первый колышек на месте будущих новостроек. Помню, как были построены первые камни — и коммунистов, и беспартийных. Какая понятне титаническая деятельность, какие замечательные плоды! Мир радуется добрую потеплению в международных отношениях, и эти люди обиженны нашей партии.

Я пою «Интернационал»

и вспоминаю, что

под предводительством

Горких Ленинских Гор

Под предводительством

<p

ЧЕЛОВЕК РОДИЛСЯ

РАССКАЗ

МЕДСЕСТРА преградила ему дорогу.

— Даешь, молодой человек, вам нельзя.

— Я с ней, — указывая на жену, сказал Володя.

— У нас приятно врозь, — улыбнулась медсестра, — жена в палате, муж — дома.

Володя вышел на улицу, постоял под вывеской «Родильный дом». Пять минут назад он утешал Веру: «Все обойдется», а теперь в самогоВладимире вселилась тревога: «А вдруг не обойдется? Сотни известных ему благополучных исходов были вытекающими двумя-тремя неблагополучными. Почему-то вспомнилась подруга сестры Нина Лещук. Очень, говорят, беспокоились врачи. И она в последнюю минуту проняла врачу записку: «Если придется выбирать — спасайте новую жизнь!». После воспоминаний о Нине, которая сейчас не находит своей дочкой. Володя стало холодно. «Нервы, — подумал он, потому что холд шел откуда-то изнутри. — Нет, нет, лишила Веру была жива! Надо сказать им об этом».

Он постучал в окночко.

— Тебе чего? — спросила его старая няня.

— А это не очень опасно? — спросил он. — Может, еще откуда доктора привезти?

Шел бы ты, парень, домой. Поверь мне, старой,

лучше наших докторов ты никогда не найдешь. У меня вон дочь, три внука, и всех здесь принимали.

— Сын, говорю, у тебя. Мальчишкой — усыпал он голос старой няни.

Володя не поверил, что это ему. Беспомощно оглянулся вокруг. Все ульбались ему. Он еще больше разился. Схватил высоколицующую было из рук телефонную трубку и что было силь заорал в нее:

— Сын!

Поздравления трубка говорила уже в пустоту. Володя кинулся к двери. Но его оять не пустили. Кругом по-хорошему смеялись над обалдевшим папашей. А у Володи хватило терпения лишь для того, чтобы чиркнуть жене: «Молодец, Вера!». Сунул бумажку нянечке и бросился на улицу. Радость рвалась наружу. Володя хотелось побежать к милиционеру-регуляров щипчиком и встрижнуть ее за плач: «Сын!», остановить на минуту трамвай, троллейбусы, автомобили: «Сын!», раскрасить небо разноцветными воздушными шарами.

Сам не помнит, как очутился в сквере Революции. Подошел к киоску. Залом, один за другим выплыли три стакана воды.

— С похмелья, что ли?

— Сын у меня!

Продавец расплылся в улыбке:

— Сын — это хорошо.

— Сын, дочь — это все равно. Новая жизнь на свете!

Он сел на скамейку и задумался. Вспомнил их уговор — если будет мальчишка, то имя ему дает он. Конечно? Константина, Константина. В честь отца Веры. Прошедшего всю войну и погибшего при исполнении воинского долга в мирные дни.

И наблюдала, как развесывают праздничные гирлянды, он с удовлетворением полупал, что праздник они будут отмечать втроем — Вера, он и Константин Владимирович.

Фото И. ГЛАУБЕРГИНА
и В. СИРОТКИНА.

С ЛЮБОВЬЮ К ПРИРОДЕ

ФАЗАНЫ ОСТРОВА

ТРИ года назад «Правда Востока» рассказала читателям о том, что на островах Сырдарьи в Бекабадском районе «Узбекохотрыбхоза» и Ташкентского областного общества охотников завезли и выпустили четыре сотни северо-киргизских фазанов. По выступлению газеты Бекабадский райисполком принял специальное решение, запретив на островах Волчий, Карапал и Голубыи охоту, выяснив скота, вырубку и выжигание растительности. Областное общество охотников организовало на этих островах егерскую охрану. Как сейчас чувствуют себя гости?

С первых же дней поселков взяли под защиту. На острове Волчий, на который выпущены птицы, организованы «общественные столовые» — наевые, под которые насыпали зерно зимним пором. Почувствовав заботу человека, фазаны склонно расселились на островах и уже весной 1971 года дали потомство.

Осенью прошлого года областное общество охотников провело в этом районе таксидиум. Выборы жар-птицы были обнаружены на всех островах вплоть до острова Соломатинского, что на пешеходном километре ниже Волчьего. Обнаружены фазаны в камышовых и кустарниковых зарослях, примыкающих к берегам Сырдарьи.

Делаю шаг к ближайшему кусту, и оттуда, с пугающим шумом, стремительно, как ракета, взмывает яркая диких птица. Из этой стоящей на земле зернышки, курмар, мелкие зерна сорных растений.

К этой столовой вело множество следов, а где же птицы?

Что у них там, «собрание» что ли? Нет, столовая. Да, да. Под старыми деревьями

примитивно сооружен шалаш, но снег под его кровлю не попадает, и там, на расчищенной земле, насыпано зерно: пшеница, кукуруза, мелкие зерна сорных растений.

Осенний прошлого года волчий птицы, организованы «общественные столовые» — наевые, под которые насыпали зерно зимним пором. Почувствовав заботу человека, фазаны склонно расселились на островах и уже весной 1971 года дали потомство.

Делаю шаг к ближайшему кусту, и оттуда, с пугающим шумом, стремительно, как ракета, взмывает яркая диких птица. Из этой стоящей на земле зернышки, курмар, мелкие зерна сорных растений.

Конечно, в природе нужны и лисицы, и шакал. Но пусть эти хищники реже встречаются на фазанах островах.

М. САВЕЛЬЕВ.

НОВОСТИ СПОРТА

В обновленном составе

По традиции в первые дни нового года принимают старт волейбольные чемпионы страны. Внимание любителей спорта нашей республики, естественно, приковывается к соревнованиям женских команд: в них не первый год успешно выступают волейболистки ташкентского «Автомобилиста».

Первый тур чемпионата ташкентов проводят в Борисовграде. Турнир они начали с поражения от хозяев площадки спортсменов «Искры» — 1:3. Надо заметить, что сезона «Автомобилист» вступил в значительно обновленном составе. В команду пришло много воспитанников узбекского волейбола — Е. Петрунина, З. Панара, Л. Пермикова, Шульги. Им не хватает турнирного опыта, но это дело наживное: девчата тренируются с большим желанием, играют с полной отдачей сил.

Его удачливость, жизнерадостность как бы убеждали воротиши, что будет именно так, как задумал Абдулжалил. А для матери он, конечно же, был мальчишкой, нудящийся в постолиной опеке и защите. И не знал Абдулжалил что она просила земликов его и однополчан Альберта Цая и Тулкина Ерганова, окончивших институт и выгнанных солдат. Примета стала послужной бровью. Его удачливость, жизнерадостность как бы убеждали воротиши, что будет именно так, как задумал Абдулжалил. А для матери он, конечно же, был мальчишкой, нудящийся в постолиной опеке и защите. И не знал Абдулжалил что она просила земликов его и однополчан Альберта Цая и Тулкина Ерганова, окончивших институт и выгнанных солдат. Примета стала послужной бровью. Его удачливость, жизнерадостность как бы убеждали воротиши, что будет именно так, как задумал Абдулжалил. А для матери он, конечно же, был мальчишкой, нудящийся в постолиной опеке и защите. И не знал Абдулжалил что она просила земликов его и однополчан Альберта Цая и Тулкина Ерганова, окончивших институт и выгнанных солдат. Примета стала послужной бровью. Его удачливость, жизнерадостность как бы убеждали воротиши, что будет именно так, как задумал Абдулжалил. А для матери он, конечно же, был мальчишкой, нудящийся в постолиной опеке и защите. И не знал Абдулжалил что она просила земликов его и однополчан Альберта Цая и Тулкина Ерганова, окончивших институт и выгнанных солдат. Примета стала послужной бровью. Его удачливость, жизнерадостность как бы убеждали воротиши, что будет именно так, как задумал Абдулжалил. А для матери он, конечно же, был мальчишкой, нудящийся в постолиной опеке и защите. И не знал Абдулжалил что она просила земликов его и однополчан Альберта Цая и Тулкина Ерганова, окончивших институт и выгнанных солдат. Примета стала послужной бровью. Его удачливость, жизнерадостность как бы убеждали воротиши, что будет именно так, как задумал Абдулжалил. А для матери он, конечно же, был мальчишкой, нудящийся в постолиной опеке и защите. И не знал Абдулжалил что она просила земликов его и однополчан Альберта Цая и Тулкина Ерганова, окончивших институт и выгнанных солдат. Примета стала послужной бровью. Его удачливость, жизнерадостность как бы убеждали воротиши, что будет именно так, как задумал Абдулжалил. А для матери он, конечно же, был мальчишкой, нудящийся в постолиной опеке и защите. И не знал Абдулжалил что она просила земликов его и однополчан Альберта Цая и Тулкина Ерганова, окончивших институт и выгнанных солдат. Примета стала послужной бровью. Его удачливость, жизнерадостность как бы убеждали воротиши, что будет именно так, как задумал Абдулжалил. А для матери он, конечно же, был мальчишкой, нудящийся в постолиной опеке и защите. И не знал Абдулжалил что она просила земликов его и однополчан Альберта Цая и Тулкина Ерганова, окончивших институт и выгнанных солдат. Примета стала послужной бровью. Его удачливость, жизнерадостность как бы убеждали воротиши, что будет именно так, как задумал Абдулжалил. А для матери он, конечно же, был мальчишкой, нудящийся в постолиной опеке и защите. И не знал Абдулжалил что она просила земликов его и однополчан Альберта Цая и Тулкина Ерганова, окончивших институт и выгнанных солдат. Примета стала послужной бровью. Его удачливость, жизнерадостность как бы убеждали воротиши, что будет именно так, как задумал Абдулжалил. А для матери он, конечно же, был мальчишкой, нудящийся в постолиной опеке и защите. И не знал Абдулжалил что она просила земликов его и однополчан Альберта Цая и Тулкина Ерганова, окончивших институт и выгнанных солдат. Примета стала послужной бровью. Его удачливость, жизнерадостность как бы убеждали воротиши, что будет именно так, как задумал Абдулжалил. А для матери он, конечно же, был мальчишкой, нудящийся в постолиной опеке и защите. И не знал Абдулжалил что она просила земликов его и однополчан Альберта Цая и Тулкина Ерганова, окончивших институт и выгнанных солдат. Примета стала послужной бровью. Его удачливость, жизнерадостность как бы убеждали воротиши, что будет именно так, как задумал Абдулжалил. А для матери он, конечно же, был мальчишкой, нудящийся в постолиной опеке и защите. И не знал Абдулжалил что она просила земликов его и однополчан Альберта Цая и Тулкина Ерганова, окончивших институт и выгнанных солдат. Примета стала послужной бровью. Его удачливость, жизнерадостность как бы убеждали воротиши, что будет именно так, как задумал Абдулжалил. А для матери он, конечно же, был мальчишкой, нудящийся в постолиной опеке и защите. И не знал Абдулжалил что она просила земликов его и однополчан Альберта Цая и Тулкина Ерганова, окончивших институт и выгнанных солдат. Примета стала послужной бровью. Его удачливость, жизнерадостность как бы убеждали воротиши, что будет именно так, как задумал Абдулжалил. А для матери он, конечно же, был мальчишкой, нудящийся в постолиной опеке и защите. И не знал Абдулжалил что она просила земликов его и однополчан Альберта Цая и Тулкина Ерганова, окончивших институт и выгнанных солдат. Примета стала послужной бровью. Его удачливость, жизнерадостность как бы убеждали воротиши, что будет именно так, как задумал Абдулжалил. А для матери он, конечно же, был мальчишкой, нудящийся в постолиной опеке и защите. И не знал Абдулжалил что она просила земликов его и однополчан Альберта Цая и Тулкина Ерганова, окончивших институт и выгнанных солдат. Примета стала послужной бровью. Его удачливость, жизнерадостность как бы убеждали воротиши, что будет именно так, как задумал Абдулжалил. А для матери он, конечно же, был мальчишкой, нудящийся в постолиной опеке и защите. И не знал Абдулжалил что она просила земликов его и однополчан Альберта Цая и Тулкина Ерганова, окончивших институт и выгнанных солдат. Примета стала послужной бровью. Его удачливость, жизнерадостность как бы убеждали воротиши, что будет именно так, как задумал Абдулжалил. А для матери он, конечно же, был мальчишкой, нудящийся в постолиной опеке и защите. И не знал Абдулжалил что она просила земликов его и однополчан Альберта Цая и Тулкина Ерганова, окончивших институт и выгнанных солдат. Примета стала послужной бровью. Его удачливость, жизнерадостность как бы убеждали воротиши, что будет именно так, как задумал Абдулжалил. А для матери он, конечно же, был мальчишкой, нудящийся в постолиной опеке и защите. И не знал Абдулжалил что она просила земликов его и однополчан Альберта Цая и Тулкина Ерганова, окончивших институт и выгнанных солдат. Примета стала послужной бровью. Его удачливость, жизнерадостность как бы убеждали воротиши, что будет именно так, как задумал Абдулжалил. А для матери он, конечно же, был мальчишкой, нудящийся в постолиной опеке и защите. И не знал Абдулжалил что она просила земликов его и однополчан Альберта Цая и Тулкина Ерганова, окончивших институт и выгнанных солдат. Примета стала послужной бровью. Его удачливость, жизнерадостность как бы убеждали воротиши, что будет именно так, как задумал Абдулжалил. А для матери он, конечно же, был мальчишкой, нудящийся в постолиной опеке и защите. И не знал Абдулжалил что она просила земликов его и однополчан Альберта Цая и Тулкина Ерганова, окончивших институт и выгнанных солдат. Примета стала послужной бровью. Его удачливость, жизнерадостность как бы убеждали воротиши, что будет именно так, как задумал Абдулжалил. А для матери он, конечно же, был мальчишкой, нудящийся в постолиной опеке и защите. И не знал Абдулжалил что она просила земликов его и однополчан Альберта Цая и Тулкина Ерганова, окончивших институт и выгнанных солдат. Примета стала послужной бровью. Его удачливость, жизнерадостность как бы убеждали воротиши, что будет именно так, как задумал Абдулжалил. А для матери он, конечно же, был мальчишкой, нудящийся в постолиной опеке и защите. И не знал Абдулжалил что она просила земликов его и однополчан Альберта Цая и Тулкина Ерганова, окончивших институт и выгнанных солдат. Примета стала послужной бровью. Его удачливость, жизнерадостность как бы убеждали воротиши, что будет именно так, как задумал Абдулжалил. А для матери он, конечно же, был мальчишкой, нудящийся в постолиной опеке и защите. И не знал Абдулжалил что она просила земликов его и однополчан Альберта Цая и Тулкина Ерганова, окончивших институт и выгнанных солдат. Примета стала послужной бровью. Его удачливость, жизнерадостность как бы убеждали воротиши, что будет именно так, как задумал Абдулжалил. А для матери он, конечно же, был мальчишкой, нудящийся в постолиной опеке и защите. И не знал Абдулжалил что она просила земликов его и однополчан Альберта Цая и Тулкина Ерганова, окончивших институт и выгнанных солдат. Примета стала послужной бровью. Его удачливость, жизнерадостность как бы убеждали воротиши, что будет именно так, как задумал Абдулжалил. А для матери он, конечно же, был мальчишкой, нудящийся в постолиной опеке и защите. И не знал Абдулжалил что она просила земликов его и однополчан Альберта Цая и Тулкина Ерганова, окончивших институт и выгнанных солдат. Примета стала послужной бровью. Его удачливость, жизнерадостность как бы убеждали воротиши, что будет именно так, как задумал Абдулжалил. А для матери он, конечно же, был мальчишкой, нудящийся в постолиной опеке и защите. И не знал Абдулжалил что она просила земликов его и однополчан Альберта Цая и Тулкина Ерганова, окончивших институт и выгнанных солдат. Примета стала послужной бровью. Его удачливость, жизнерадостность как бы убеждали воротиши, что будет именно так, как задумал Абдулжалил. А для матери он, конечно же, был мальчишкой, нудящийся в постолиной опеке и защите. И не знал Абдулжалил что она просила земликов его и однополчан Альберта Цая и Тулкина Ерганова, окончивших институт и выгнанных солдат. Примета стала послужной бровью. Его удачливость, жизнерадостность как бы убеждали воротиши, что будет именно так, как задумал Абдулжалил. А для матери он, конечно же, был мальчишкой, нудящий